3-й ГОД ИЗДАНИЯ № 10

СМЕХАЧ

АПРЕЛЬ 1925 Ленинград, Просп. Володарского, 53-а. Ред. тел. 5-49-78, конт. тел. 1-68-80 Цена 25 коп.

ПОСЛЕ „БАНИ“—НА ВЫБОРЫ

В Галле, во время предвыборного митинга, германская полиция социал-демократического правительства расстреляла рабочих. (*Из газет*)

Рис. Л. Бродаты

Социал-демократическая свинья: Теперь трудно будет назвать меня желтой—я, кажется, достаточно покраснела.

„ФИЗИКА ДЫБОМ“

ОТРЕЗВЛЯЮЩИИ ГАЗ, БЕРЛИН, 19. Немецкий профессор Гешке изобрел газ, способный в несколько минут отрезвить сильно пьяного человека.

Рис. Г. Эфроса

Всякое жидкое тело

легко переходит в твердое,

а твердое—в газообразное,

после чего к нему возвращаются временно утраченные твердость, устойчивость и равновесие.

ОДНОВРЕМЕННОСТЬ

Вся беда в том, что в мире нет одновременности. Нет полной, окончательной, абсолютной одновременности. Ах, все в этом мире относительно...

Вот случай—из далекого моего детства. Мне было восемь лет. Я учился в школе. Моим соседом по скамейке был Борька. Ему тоже было восемь лет. Однажды я нашел где-то великолепную, сверкающую, как золото, медную пуговицу. А у Борьки было перо — совсем - совсем новенькое. У нас только что начали развиваться буржуазные, собственнические и торговые инстинкты. Мы решили — поменяться, — пуговицу поменять на перо...

Решили... Но как это сделать?

Предположим, я положу пуговицу на стол, а Борька в это же время, в это же мгновение положит на стол перо, — я схвачу перо, он [illegible]тит пуговицу, — но я боюсь. Я боюсь: вдруг Борька окажется ловчее меня и схватит раньше — ну, на одну миллионную секунды раньше, чем я успею схватить. А он тоже боится: вдруг я окажусь ловчее... Говорю же я вам: у нас начали уже развиваться инстинкты... Схватит Борька и то и другое — и пуговицу и перо, — и удерет, — что я тогда?

Абсолютных совпадений во времени не бывает, — всегда есть разница — на один миг разница — но все-таки разница. От этого все зло на свете...

Я вспоминаю этот случай с Борькой, с обменом, с пуговицей и пером, всякий раз, когда читаю в газетах о протоколах, о гарантиях, о переговорах Эррио с Чемберлэном, о „мире всего мира“, о разоружении, о безопасности... Точь-в-точь как мы с Борькой — в далеком детстве. Эррио боится, что Чемберлэн окажется ловчее, а Чемберлэн, со своей стороны... Кто раньше схватит...

Два года тому назад пришлось мне — в норвежской столице, в Христиании (ныне Осло) — слышать публичную лекцию шведского премьера, социал-демократа Брантинга. Брантинг из сил выбивался — очень ему хотелось нобелевскую премию мира получить, — ужасно хлопотал — умиротворял, в Женеву ездил, речи произносил, — в поте лица своего трудился — над миром, то-есть над премией... Да так и умер бедняга, премии не получив... Царствие небесное...

Так вот, лекция Брантинга. О мире, конечно, о разоружении. Миллионы красивых, звонких, сверкающих, как золото, слов. Пышные все, торжественные, великолепные слова... Цитаты, конечно, из священного писания. Волк с ягненком, мечи на орала — и прочее там, что полагается...

Вдруг поднимается из задних рядов какой-то простодушный человек и задает великолепному Брантингу простодушный — прямо скажу — глупый, до святости наивный вопрос:

— Вот, вы говорите: разоружение... А почему бы и в самом деле не разоружиться?..

В зале — хохот. Вот наивность! Вот идиот! Неужели он не понимает, что одно дело — *говорить* о разоружении и совершенно другое дело — „в самом деле“ разоружаться...

— Нет, как это вам понравится! „В самом деле!“ Вот наивный человек!..

Но Брантинг не растерялся. Не спадая с тона, теми же великолепными, звонкими, сверкающими словами объяснил он:

— Разоружиться можно только одновременно. То-есть, чтобы все государства разоружились сразу, — только при условии полной и абсолютной одновременности возможно полное и абсолютное разоружение...

Чтобы все, значит, разом. Раз, два, три, — все в одно мгновение... Но, ведь, абсолютных совпадений во времени нет, — всегда разница останется, — и вот, в эту разницу как-раз и влезет кто-нибудь — и схватит...

Поняли?..

Все зло на земле от того, что нет одновременности.

А. Меньшой.

„НАЦИОНАЛЬНЫЙ“ БАНК

За убитого американца С. Штаты в среднем берут по 25.000 долларов. За убитого же ими китайца недавно выдали 100 долларов.
(Из „Известий“)

Директору Национального банка подали телеграмму:

„В Шанхае убито китайцами 4 американских матроса. Имеете получить по курсу“.

— Каков сегодня курс? — осведомился директор у служащего.

— 27.900.

— Потрудитесь записать.

Затрещал телефон:

„14 февраля в Сеуле нами убито 17 корейцев. Вышлите по курсу“.

— Справьтесь пожалуйста, как стояли корейцы на 14/II?

— 97 — ответил служащий.

— Переведите в Сеул за 17 штук.

Через минуту радио-телеграмма от адмиралтейства:

„Миноносец У-37 потопил 29 сиамцев. Благоволите выслать по курсу“.

— Как идут сиамцы?

— 93.

— Перевести 2.697 долларов.

А вслед — новая телеграмма, от военного министерства: „Эскадрилья № 606 на практических занятиях с новыми газовыми бомбами уничтожила 18.614 китайцев. Переведите следуемую сумму“.

Директор поморщился.

— Это нерасчетливо — проговорил он: — Хотя китайцы идут лишь по 100, но при таком размахе можно банк до краха довести.

Он подошел к телефону:

— Алло! Мин. Иностр. дел? Национальный банк. Дело вот в чем: в последнее время выплаты банка превышают поступления. Необходимо подкрепление. Прошу экспортировать десятка два американцев.

Вернувшись к столу, он застал телеграмму от О-ва Синклера:

„В окрестностях нефтяных промыслов необходимо уничтожить 11.000 малайцев. Каков курс?“

— Телеграфируйте 57, — распорядился директор.

Через час получился ответ от Министерства Иностранных дел:

„В Персии пока убито 11 американских рабочих. Имеете получить 306.900“.

— Олл-Райт, — сказал директор, потирая руки.

Машинки стучали. Работа кипела.

Спиноза

СОБОЛЕЗНОВАНИЕ

Томас от имени оппозиции (рабочей партии) выразил правительству соболезнование по случаю смерти лорда Керзона.

„Свершилось—и старец великий смежил
Орлиные очи в покое“.
Ах, много он вытянул крови и жил,
Душил беспощадной рукою.
Над пышной могилой о, Томас, восплачь,
Что умер надменный британский палач.
Ах, яблочко, куды котишься?
В соглашатели попал—не воротишься!
Ах, яблочко на балкончике...
Все вы теплые ребята—все керзончики.
Чемберлен мой, Чемберлен—
Очи ясные...
Нам не надо перемен!
Мы не красные.
Хошь ты верь, хошь не верь,—
Слезы чистые:
Что нам делать-то теперь
С коммунистами?!
Я за гробом его шел
Да с обидою:
Ему в гробе хорошо,
Я завидую.
Тихо тащит колесницу
Лошадь куцая.
Ох, и днем и ночью снится
Революция.
Унесла болезнь не кстати
Длань железную,
Потому-то я в палате
Соболезную.
Ах, с рабочими бороться
Нам не по-носу.
Тяжело теперь придется,
Братцы, Томасу.
Ах, зачем-же нам быть
Слишком гордыми?...
Хорошо, ребята, жить
Да за лордами.
Ах, недаром в сердце страх
За позицию.
Уж какая там в чертях
Оппозиция!

Р. Волженин

САМОБИЧЕВАНИЕ

— Спятил ты, что-ли? Сам оштрафован за прогулы и сам-же о себе заметку в газете напечатал!

— Дура баба! Оштрафован-то я на полтора рубли, а за заметку—три заплатят. Поняла хозрасчет?!

ГРАММАТИКА

— Петров! Как будет во множественном числе „одна бутылка пива“?

— Вдрызг, тов. учитель.

„КРАСНАЯ“ КУПЧИХА

I

Владелица модного магазина, Варвара Павловна, сняла с подставки элегантную шляпку и сказала:

— Мадам, вот настоящая модель!.. Я ждала для этой шляпы именно такую аристократическую головку, как ваша... Пожалуйте к зеркалу. Ах, вы себе представить не можете, как мне бывает жаль отдать хорошенькую шляпу какой-нибудь пролетарке, которой нежный цвет шелка, шикарный подбор отделки и элегантность газа, как корове седло... Прекрасно!.. Мадам, прекрасно!

— А не старит меня эта фиалочка?

— Что вы?!. Это интересное пятнышко освещает ваше прекрасное лицо, которое, впрочем, совсем в этом не нуждается... Ах, к этой шляпе так нужна коляска от Брейтгама, пара серых...

— Да, было, все было...

— И будет!.. будет!.. Разве я не помню вашего английского выезда?.. Вы приезжали с адъютантом вашего супруга...

— Вы помните?!

— Еще бы! такой статный красавец, кажется, гусар?

— Да, царскосельский... Да, мне пришлось здесь остаться из-за болезни детей, а то я была бы в Париже!.. Хорошо еще, что мой муж устроился, как спец...

— В кассу четыре червонца... Вам почти по своей цене... заказчице старого доброго времени... Благодарю вас... Пожалуйста... Мерси... До свидания!

II

— Товарищ, вот настоящая модель!.. Так приятно продать шляпку вам... Наконец-то нашими заказчицами стали широкие трудящие массы!.. На вашей пролетарской голове эта шляпка звучит пролетарским гимном... Чувствуется ширь полей и глубина заводов. Эти красные маки горят, как знамена!

Как вам, товарищ, к лицу этот синеватый газ, напоминающий дымок фабричной трубы на заре.

Отделка прямо таки культпросветна!.. Так надоели мне за долгие годы проклятого старого времени эти намалеванные куклы, жены бюрократов и буржуев. Довольно!..

— А меня не старит этот мак?

— Что вы?! Это интересное пятнышко напоминает революцию и делает ваше лицо настоящим революционным лицом. К этой шляпе так нужна хорошая манифестация, какое-нибудь шествие.

— А мы недавно ходили.

— Пойдете еще!.. Теперь, ведь, часто... Разве я не помню, вас в рядах, рука-об-руку с товарищем?..

— Моряком? вы помните?!

— Еще бы!.. такой статный красавец... „Краса и гордость революции“... С „Авроры“, наверное?

— Нет, с канонерки, „Лейтенант Шмидт“...

— Пожалуйста, четыре червонца...

— Ой, как дорого!

— Это с трудящихся, с нэпманш шесть!.. Заказчице-пролетарке почти ниже своей цены...

Благодарю вас... Пожалуйста... Спасибо... До свидания.

Исидор Гуревич

ПРИВЫЧКА

— Удивительно. Три часа битых стучу в дверь, а ты хотя-бы голос подал!

— Я и подавал голос поднятием руки. Сам виноват, что не слышал.

ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ

Народный судья. И вам не стыдно? Вы совсем еще молодой человек, почти мальчик, и уже начали воровской промысел из-за каких-то полутора рублей?

Вор (сконфуженно). Стыдно, гражданин судья, очень стыдно, но по толщине бумажника я ожидал найти сотни червонцев, а там оказалась кипа ненужных бумажек.

В ТУПИКЕ

Рис. Б. Антоновского

— Бумтрест прекратил прием заказов! Пропали мы без бумаги!
— Ну, что-ж—придется сократить волокиту.
— Позвольте! Но тогда сократят служащих?!

СДВИГ

Рис. Н Радлова

Лозунг дня: „Все внимание цеху!" ложно понимается людьми, проникнутыми канцелярским духом.

— Безотлагательно! Немедленно! Мы должны приблизиться к цеху.

— Тетка! А куда-ж канцелярия подевалась?
— А в цех, милый, перешла.

И поглотила канцелярия цех. И возникла новая форма — кан-*цех*-лярия: Тех-же щей, да погуще влей.

НАУКА

Финансовое положение страхкасс требует применения самого строгого контроля „бюллетенщиков".

Понюшкин давно мечтал заболеть, но никак не мог подобрать себе подходящей болезни.

Бюллетенщики подтрунивали.

— Ты у нас здоровяк, чего тебе делается? А если учиться желаешь, иди к Лодыреву, он счас в больнице отдыхает.

В ближайший день отдыха Понюшкин отправился в больницу. Еще у дверей палаты Понюшкин заметил среди больных знакомое лицо — Лодырев тихо лежал на кровати и, как мечтал Понюшкин, весело разглядывал потолок. Понюшкин присел на белый табурет.

— Болеешь?—сказал он.

Лодырев оглянулся, смотрят-ли больные, и громко застонал.

— Помираю, брат...

— Ах, сучья кровь!—с завистью подумал Понюшкин, глядя на пополневшие щеки Лодырева:—поправился даже, стервец...

— И как это ты болеть умеешь? — шепнул он, наклоняясь над больным.

Лодырев хитро подмигнул.

— Наука трудная, юмористическая наука. Многие тоже желают болеть, но не могут, таланту нет... Тут, брат, болезнь надо изобрести... Другой придет в медицинский пункт и давай на сердце показывать, сердце, дескать, не работает, остановилось... Тоже есть отчаянные: животом жалуются... Придет это—товарищи врачи, резь у меня, ревматизм слепой кишки. Нет, брат, хитрая штука болеть... Первым делом, как придешь в пункт, вид у тебя должен быть скучный-прескучный и в глазах туман. И не смотри ты на бюллетенский бланок, другой сейчас на бюллетень уставится, а ты не гляди, не интересуйся. Тут тебе вопросы начнут ставить, что да как, а ты пожми плечами и слабым голосом: — Общее несочувствие, товарищ доктор, жар, и на холодное пиво потягивает. Сказал это слабым голосом, стой, скучай.

Подошла сиделка и сунула Лодыреву подмышку градусник.

Лодырев задорно подмигнул Понюшкину.

— Гляди, какая температурка у меня сейчас будет.

Лодырев осторожно вытащил градусник из-подмышки и опустил в стакан горячего чаю.

— Сейчас жар ужасный у меня подымается, на все 40 взопреет.

Понюшкин боязливо оглянулся кругом.

Когда в дверях показался доктор, градусник снова был подмышкой у Лодырева. Доктор поглядел на лодыревский градусник и с удивлением поднял брови.

— Странно...

Лодырев скучающе уставился в потолок.

— Оччень странно, — сказал доктор, вертя градусник в руках, и вдруг взгляд доктора остановился — на конце стеклянной трубочки градусника, где помещается ртуть, прилепилась маленькая чаинка, свежая и мокрая.

— За такие чайные махинации — рассердился доктор — в союз будем на вас жаловаться.

Из больницы шли вместе. Лодырев нес подмышкой узелок со своим бельем и сконфуженно молчал.

— Юмористическая наука,—сказал Понюшкин и озадаченно покрутил головой.

К. Мазовский

РАСЖАТЫЙ КУЛАК

Тот крестьянин, который работает и силами своей семьи укрепляет и восстанавливает свое хозяйство, не есть кулак и не может считаться кулаком. Это—самый лучший советский хозяин.

(Из речи т. Рыкова на Съезде ЦИК. СССР.,

Рис. А. Радакова

Пришел к мужику вол-секретарь.

— Эге!—говорит:—Да у тебя и хата, и лошадь, и корова, и прочие животы! Выходит,—самый ты настоящий кулак!

Обидно показалось мужику-„кулаку". Продал корову и коня.

— Кулак я теперчи, или нет?

— Известно,—кулак.

Продал мужик „прочие животы": поросенка да петуха.

— Кулак я?

— А то кто-ж? Вестимо, кулак.

Осерчал мужик: продал избу. Ничего не осталось, кроме собственного живота.

— А теперчи—кулак?

— Ну нет, брат. Теперь ты и не мужик вовсе: хозяйства нету.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ДОБРО—СИМ

Говорят,—благими намерениями ад вымощен.

Одно из таких благих намерений подвернулось под-ноги Начальнику службы эксплоатации Северо-Кавказск. ж. д.

Решил осуществить.

КОПИЯ.

С. С. С. Р.

Н. К. П. С.

Упр. Сев. Кавк. ж. д.
Сл. ЭКСПЛОАТАЦИИ

Общая часть
28 декабря 1924 г.
№ 13163669.
г. Ростов-на-Дону.

Всем Д Н.

До настоящего времени в письменных сношениях применяются давно отжившие формы изложения с употреблением слов: „с сим", „сего", „присовокупляю", „доношу", „надлежит", „подлежит" и проч.

Необходимо раз и навсегда положить конец с остатком прошлого и внушить сотрудникам проникнуться сознанием необходимости изложения бумаг простым, но понятным языком без допущения устарелых и вышедших из употребления слов.

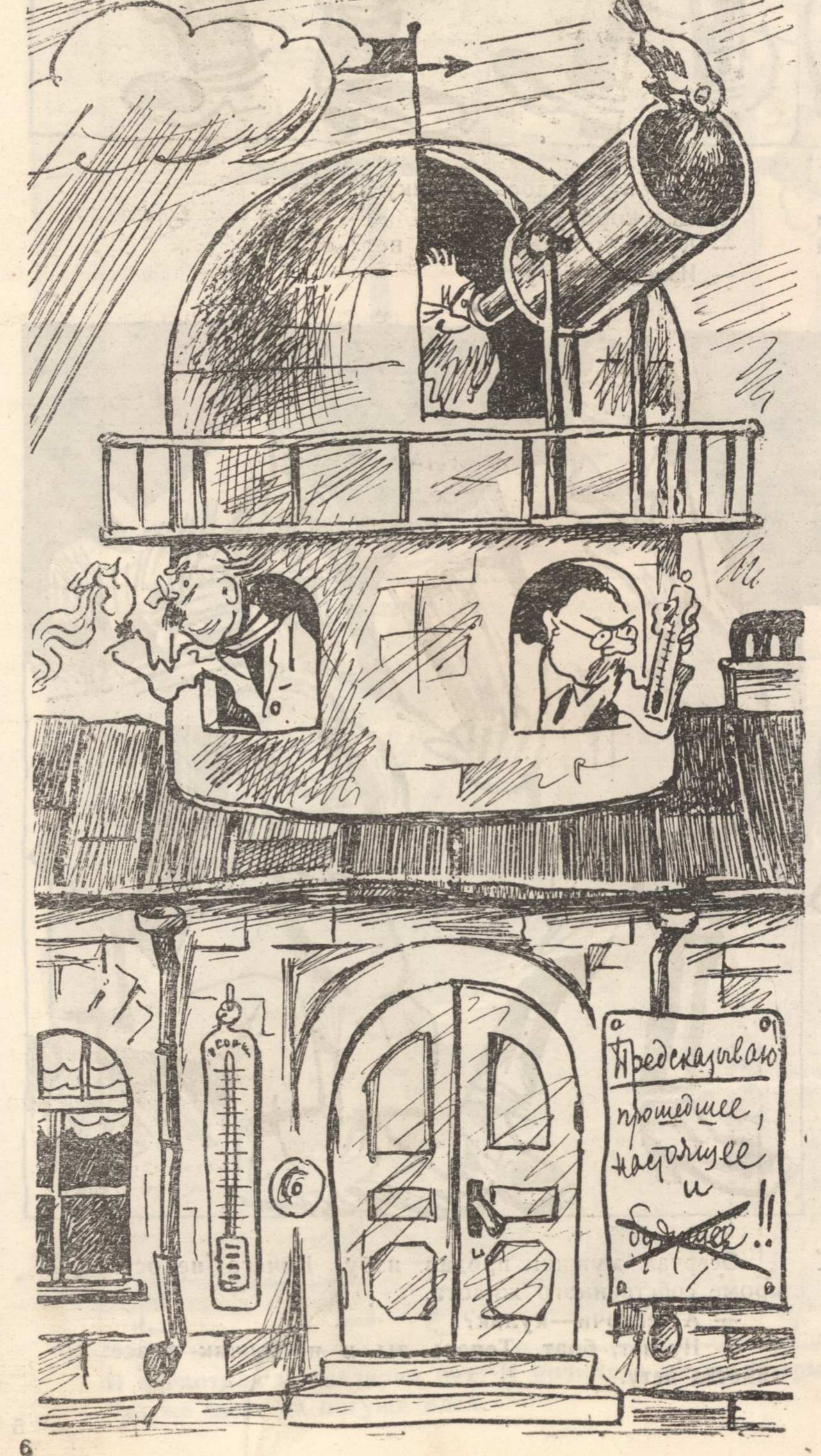
В будущем при письменных сношениях не допускать подобных выражений.

за Д. Малышин

ДО Тодрес

Что же делает благонамеренный начальник, столь удачно положивший „конец с остатком прошлого"?

Рис. Н. Радлова

А что прикажете делать, если сохранился громадный запас этих остатков? Он, так сказать, донашивает их,—он продолжает разбазаривать их по местам.

„Немедленно, по получении „*сего*"... (№ 131749а)
„*Препровождая при сем*"... (№ 131645, 8/1 25 г.)
„одновременно с *сим* препровождается"... (№ 1322286)
„С получением *сего*..." (№ 1316136, 24/1 25 г.)
„Одновременно с *сим*"... (№ 13632 19/1 25 г.)

У Ноя было три сына: Сим, Хам и Иафет.

Симпатии канцеляристов целиком на стороне Сима (и только в обращении с посетителями проскальзывает нечто, родственное со вторым сыном)...

Ничего не пропишешь: с сим приходится считаться.

ТЕРНИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

Когда в газетах пишут: транспорт налаживается, — читателю ясно: в чем дело, о чем речь.

Но когда промелькнет порою заметка о новом изобретении или усовершенствовании в области транспорта, читатель едва-ли может представить, какого труда, каких усилий, какого напряжения творческой мысли стоит каждое самое маленькое изобретение.

Тысячи людей, в разных концах СССР думают, ломают головы, что бы такое изобрести, и часто открывают уже открытую Америку.

Вот печальный пример.

Изобретатель—ПР (т. е. производитель работ) станции Чилеково,—Серов.

Изобретение: двигатель, не похожий на лошадь, паровоз, автомобиль и аэроплан.

Но предоставим говорить за себя самому двигателю, изобретенному ПР-ом Серовым (печатаем письмо с сохранением орфографии):

> Я рабочий станции Чилеково Скопс шол утрам рана наработу на будку 351 версту от дохожу и вдруг выскаковает ПРП-8 и кричит Киреев постой я ответил в чем дело т. Серов обожди подошол до мене и говорит анука стань начетверенки да што я тибе собака штоля фу какой я жа купил сидло и хочу померет да што у тебе лошад есть и мерей нет отвечал ПРП-8 я хочу на тебе и оседлал мене и стал погонят кнутом и позабыл про работу.

Вот и все. Как видите, ничего нового, ничего полезного. Никаких практических результатов.

По последним сведениям, тот же изобретатель Серов занят открытием способа — „оставаться на службе, не смотря ни на какие гнусные проделки".

Увы! думаем, и это изобретение ему тоже не удастся...

КИРПИЧНАЯ КЛАДКА

Директор Боняченской фабрики (Ив.-Возн. губ.) шлет в Фабричный комитет такое „отношение":

> Согласно отношения Вичугского Горсовета от 13 мая 1924 г. нами получены от них 400 бон-кирпичей на постройку дома имени В. И. Ленина для распределения между ответственными работниками и служащими. До сего времени боны эти не были распределены, *так как фабричным комитетом предполагалось провести кампанию.*
>
> *Сообщаем вам, что боны эти мы распределяем в счет заработка служащим за февраль, соответственно получаемого жалованья начиная с 7-го разряда.*
>
> Директор Боняченской фабрики Н. Кудряшев.
>
> (печать).

Кто виноват—не знаем, но факт на-лицо:

Вместо кампании *добровольного* размещения бон-кирпичей, получилась *ударная кампания: кирпичом по затылку, начиная с 7-го разряда!*

НЕУДАЧНИКИ

На бедный кооператив все растраты валятся—такова скорбная истина провинциальной кооперативной хроники.

Разительный пример показан на страницах „Всеросс. Кочегарки" (№ 60).

22 НЕСЧАСТЬЯ...

Ну, и везет-же нашему Железнянскому рабсельскоопу! Хоть на конкурс выходи!

В течение небольшого срока на него обрушивалось несчастье за несчастьем:

1) 2 раза обкрадывали отделения рабселькоопа.
2) Завотделением Усачев *растратил* 700 рублей.
3) Казначей Ходак *похитил* около 500 рублей.
4) Завстоловой и винногребом Степанченко *растратил* до 1200 рублей.
5) Кучер Цяпа *растратил* доверенные ему 216 рублей. На допросе он сказал: всем прощали, думал и мне простят.
6) Роздано в кредит на 12.000 руб.—должники выехали.
7) Рыбу гнилую купили,—выбросили. (Тоже выгодно!)

И, наконец, 8) член правления Тарапов *растратил* крупную сумму. (Сколько—точно неизвестно).

По условию задачи кооперирования населения, спрашивается: 1) что осталось от Железнянского Рабселькоопа? и 2) где найти дубовую голову Ревизионной Комиссии??

СИМУЛЯНТЫ И ШАРАМЫЖНИКИ

Если рабочий говорит, что он болен, значит, он симулянт и шарамыжник. Так решили, по словам „Пролетария“, на Максевском Металлургическом Заводе:—

Для того, чтобы бороться с симуляцией и прогулами, на заводе усилили контроль над заболеваемостью рабочих. Контроль вообще—дело хорошее.

Но у нас переборщили. *Если теперь заболеет рабочий, хоть он и при смерти будет, а отпуска ему не дадут.*

— Бросьте шарамыжничать, знаем мы вас. Симулируете.

И правильно — придет прогульщик к доктору, на теле сыпь симулирует, озноб изображает, высокой температурой прикрывается и представьте — отпуск требует.

А то и так случается, — ловкий прогульщик ни пред чем не остановится, ложится в постель, симулирует агонию, потом смерть, родственники симулянта, для вида, кладут его в гроб и зарывают в землю, симулируя погребение.

А вы говорите — страхкасса виновата!

ПОД УГЛОМ В 30⁰

Существует во Владимире фабрика с обязывающим названием „Коммунистический Авангард“.

На этой фабрике, по сведениям владимирского „Призыва“—

Еще до сих пор в некоторых спальных корпусах царит пьянство и не только среди мужчин, но даже и среди женщин - работниц и подростков.

1-го марта, в „знак масленицы“, некоторые женщины устроили попойку, нарядили одну из своей среды в тряпье, посадили ее на санки и возили по спальным корпусам, дали в руки худую плошку; опьянелая женщина стучала по ней, а сзади тоже опьянелые устроили пляску.

Вот вам и „Авангард“! В хвосте других фабрик плетется и названия своего недостоин.

Очень близорукий Фабком на „Авангарде“: иначе, чем под углом в 30⁰, ни чего не видит.

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ.

Интереснейшую телеграмму печатает „М. Правда“:—

Чебоксары, 10 марта. Областным исполкомом и крестьянством поднят вопрос о переименовании чуваш в болгар, в связи с установлением происхождения чуваш от камско-волжских болгар.

С нашей стороны препятствий нет, пусть называются! А только толку в этом мало: были — чувашская дикость, чувашское невежество, чувашская темнота, будут — болгарская дикость, болгарское невежество, болгарская темнота.

Недогадлив Чебоксарский Исполком: поднимая вопрос о переименовании, он забыл, однако, поднять культработу.

А неграмотный чуваш не хуже болгарина!

ТАШКЕНТСКАЯ МГЛА

Существует город Ташкент. В Ташкенте — электростанция и городская больница.

Больница не в ладах со станцией. Станция не в ладах с больницей. Положение — *беспросветное* в буквальном смысле: станция сплошь и рядом выключает свет. Например, по словам „Правды Востока“,—

4-го марта, в 11 часов ночи, в больницу доставлены 2 раненых гражданина. Обоим были необходимы немедленные операции. Дежурный врач вызвал хирурга. Началась операция. *Только вскрыли живот и начали рыться в нем—свет погас.* Три раза обращались на электростанцию за дачей тока, но безрезультатно. Там заявили, что свет будет не раньше чем через час. И остальная половина операции с большим трудом была доделана при керосиновом свете.

Мудрено ли, что в такой темноте, роясь в животе, хирург может потерять голову и не найдет ее, пока станция света не даст.

А когда загорится свет, операция закончится в два счета: Снимут покойника со стола и зароют в землю.

ВРЕДИТЕЛЬ ВРЕДНОГО ЦЕХА

Кочегарка — цех вредный, кочегарам полагается молоко. Об одном редком молочном случае рассказывает Харьковский „Пролетарий“—

Долго кочегары котельного отдела 1-го харьковского госканатного завода ломали голову.

— Какой это молокосос тырит из подвала кочегарово спецпитание — молоко?

Но, наконец, местные Шерлоки Холмсы выследили вора.

— Буль-буль-буль,—послышалось из подвала.

Кинулись туда и застали на месте преступления, с бутылкой у рта, молокососа довольно преклонного возраста, не более не менее, как... самого заведывающего котельным отделом, гр. Богуславского.

Здорово!

„Смехач“ впервые отмечает редкий факт“: у пожилого мужчины молоко на губах не обсохло!

Наша резолюция:—выдать кочегарам дополнительную порцию молока, а гр. Богуславского, как вредителя вреднаго цеха — выкурить и поместить в „Дом ребенка“.

СПРАВЕДЛИВЫЙ ДЕЛЕЖ

Рис. Г. Эфроса

— Ловко у нас, на заводе, поделили спецодежду промеж растратчиков и нерастратчиков!

— Как же?

— Нерастратчикам дали по рубашке, а растратчикам— *по шапке.*

ВЕСЕЛАЯ ПУТАНИЦА

В Ростовской конторе Н-ка отделения движения (ДН—I) Сев.-Кав. ж. д. с большим вкусом люди. И ежели что не по ним, сейчас переделают.

Скажем, имя. Скажем,—Анфилопий. И нужно этому Анфилопию провизионный билет писать.

Противно. Рука замирает.

Вот и переделывают Анфилопия на Ивана. Коротко и звучно.

Наконец, дописались до того (сообщает рабкор), что в провизионый билет № 164432 кубовщицы Голгановой вписали: *кубовщице Голгановой Екатерине, жене ее Марии* и сыну Александру.

Одним росчерком глупого пера все спутали, весь семейный быт на-смарку свели.

Кто же теперь муж Марии? Кубовщица Екатерина?!

Не может этого быть. Не полагается.

А больше всего должно быть непривычно сыну Александру такое отчество: Александр *Екатеринович.*

В ЧАЙНУХЕ

Толстяк-хозяин за буфетом
Трясет лохматой бородой,—
В поддевку синюю одетый,
В жилете с цепью золотой.
Он ласков, старая лисица,
Уважить каждого готов,
Не кипяченою водицей
Поит торговых молодцов.
И посетителя с деньгою
Учует: песий нюх остер.
Прислугу от охраны скроет,
Признав за братьев и сестер.
И сверлит волчьим жадным
глазом,
Кому-чего подать спешит,
Под стойку, нагибаясь, лазит
И с самогонкой прет кувшин:

Напротив—посетитель носом
Клюет, как дятел... Эх! намок...
Хозяин взглядывает косо
На жирный рыжий кошелек.
Заводит граммофон трескучий...
Извозчик дует трепака...
Хозяин совьи бельма пучит,
Руками обхватив бока.
И гнутся-гнутся половицы...
И дробно каблуки стучат...
Хозяин, хитрая лисица,
С лицом краснее кумача.
А со стены глядит икона,
Сияет венчик золотой...
Пропахли стены самогоном,
Пропах хозяин стариной.

Н. Тихомиров

Театр „Кривое Зеркало“, посетивший Варшаву, потерпел материальный крах, вследствие бойкота со стороны буржуазии, которая ожидала сатиры на советский быт.

(*Из газет*)

Рис. В. Лебедева

Не пеняй на „кривое зеркало“, коли рожа крива!

НЕОДУШЕВЛЕННАЯ ПОЭМА

Утро. Тихо. Ни мыслей, ни слов.
Семь часов.
Солнце жмурится в пыльном окне.
Ухмыляясь раздувшейся рожей,
Развалился портфель толстокожий
На столе, на зеленом сукне.
Бродят будни, без дня, без числа,
Проползла по столам волокита,
И на полках чихнули сердито
Разжиревшие в папках дела.
Ундервуд свой колпак отвернул,
И, лишенный обычной подпорки,
Старый гроссбух свалился с конторки
Под высокий бухгалтерский стул!
Побледнели счетов корешки,
Но попрежнему сохнут уныло
В грязных банках худые чернила,
В ожиданьи злодейской руки...
Утро. Тихо. Ни мыслей, ни слов.
Семь часов.
Вот тогда-то из щелки одной,
Из какой-то невидимой щели
В толстокожем и чванном портфеле
Вылез мятый подснежник—
Ударил весной
По книгам, по полкам, сшиб наземь дела,
Сдались все без единого вздоха,
По столам поднялась суматоха,
И в груди волокиты торчала стрела.
Все убежало, не исключая столов...
Утро. Тихо. Ни мыслей, ни слов.
Семь часов...
Когда же в десять, декрету верны,
Посыпались люди густейшим роем,
Гуляли зайчики по канцелярским обоям,
И солнце трубило марш весны.

Александр Флит

В ЛУЧАХ „МИРА“

Изобретатель Маттьюс, утверждающий, что им открыты разрушительные „чертовы лучи“, вернулся из Америки в Англию. Он заявил, что его „лучи смерти“ навсегда потеряны для Великобритании, так как он продал их Соединенным Штатам, приобревшим их почти не торгуясь.

Рис. А. Радакова

Америка—Англии:* Мы купили ваши лучи. Но когда нибудь они *вернутся к вам.

В АК-ТРЕСТЕ

Рис. Н. Радлова

Есть проект—трестировать все театры (Из газет.)

— Извольте, если вашему клубу не по карману „Заговор четырех императоров" модного Мейерхольдовского покроя, из лучшего идеологического матерьяла, тогда могу предложить два-три метра кино-халтурки на легкой обывательской подкладке. Материалец как нельзя лучше—к летнему сезону.

ГРЕХ

Эх, братцы, братцы! Давайте сечь себя, как некоторый унтер-офицер при царском режиме высек свою вдову.

Дело было в губернском городе без названия, потому что стыдно. То-есть, стыдно за конец, начало-же было в лучшем виде.

В один из прекрасных вечеров чествовали нас троих, под названием—герои труда. Из них—Лукина Дарья, старуха 63 лет, но широкой кости и зубы в целости, второй—Антроп Кукушкин, 49 лет, умственный человек: ежели с попом насчет веры схватятся, попа в испарину бросает. А третий буду я—без наименования. Впрочем, одну свою примету могу обнародовать: у меня была в то время беременная супруга, по-русски—в тягостях.

А чествовали нас так... Нет, не буду описывать мельчайшие замечательные подробности, только опубликую красный стол, портреты вождей, знамена и наш заводский оркестр из труб и барабанов. Народу—весь завод и много посторонних жителей с воли.

Мы, трое героев, сидим совместно с начальством за красным столом на возвышении и бросаем взгляды в зал на публику, которая ниже нас. Все любуются на нас троих и кивают головами в знак согласия. Нам очень лестно, и на сердце у нас—игра. Ужасно приятно, когда чествуют: просто так-бы всех и перецеловал взасос! Вот что значит—быть героем труда. Я даже подбоченился.

И вот, значит, сидим. У героихи труда волосатая бородавка под левым ухом, а справа, на возвышении, горой навалены подарки. Мы в том предположении, что они все равно достанутся нам, делаем вид, что не замечаем их, а сами время-от-времени посматриваем на многочисленные подарки украдкой, искоса.

Я не стану в мельчайших подробностях касаться речей, которые в честь нас произносились, потому что душа играла во мне, и я ничего не упомнил. Помню только, что героиха труда, Лукина Дарья, по старости своих лет прослезилась от сочувствия. А глядя на нее,—и я. Третий герой, Антроп Кукушкин, смотрел-смотрел и тоже зафыркал носом. Я тогда подумал, почему-же слезы текут у нас, а сам посерьезней прислушался к речам и понял: очень нас хвалят за труды на пользу человечества. Ах, до чего радостно, братцы, и от радости—больно! Как оратор произнес—„на пользу человечества"—мы чуть не зарыдали, вот как-то прихлынуло сразу, вдруг, ну не передохнешь. И до чего тут, ей-богу, человечество показалось близким нам, родным. Эх, человечество, человечество, милое мое!

В начале чествования, сразу после речей, я неожиданно вышел вон. Многие подумали, наверно: „вот,—сказали,—у товарища-героя от радости схватило живот". Однако—нет. Я побежал за своей беременной супругой, привел ее с парнишкой, чтоб любовались, как нас чествуют, а сам торжественно опять сел на возвышение.

Засим началось подношение подарков, под звуки оркестра. Мы принимаем, кланяемся и в ответ что-то такое бормочем, не особенно понятно от волнения. Товарищи-рабочие подносили зажигалки, платки, чашки, ситец, а мне, в видах беременной супруги—матрас с подушкой и многое другое.

На этом факте чествование закончилось. Идем домой. А поздним вечерком вздумали, по русской натуре, выпить, чтоб отметить сей прекрасный день в полном масштабе.

Но, замест масштаба, получился срам и стыд. Хотя и зазорно, а придется рассказать, иначе совесть замучает меня в-отделку. От неосторожного обращения со спиртными напитками мы захмелели, то-есть три героя труда и гости. А жили мы в одном рабочем корпусе, так что гулянка—совместная была.

Скандал начался из-за подарков. Героиха труда, Лукина Дарья, плюнула мне в нос и закричала:

— Вам, окаянным, матрас дали, да подушку! Ишь ты, баба у него пузатая! Леший вас задави... А почему-же мне, на старости лет, ситцу линючего сунули да полушалок?! А?!

При подобных глупых возгласах она схватила миску с клюквенным киселем и опрокинула все содержание на новый матрас, чрез это драгоценный подарок сразу пришел в полную негодность инвентаря.

Я тогда побежал с криком в ее комнату, стал топтать и рвать ее ситец с полушалком, приговаривая:

— На тебе, чортова старушка, на!

Тут набежали гости и, в первую очередь, героиха труда, старуха. Она чем-то треснула мне по голове, как выяснилось потом — лопатой, да так хлестко, что лопата изломилась на три части, а я, повидимому, упал, несмотря, что ей 63 года. Потом внезапно началось разделение труда: за старуху вступился герой труда Антроп Кукушкин. Он с криком: „мне тоже поднесли зажигалку с портсигаром, да я молчу!"—ударил мне по загривку, за меня-же вступился кум да еще человек пять приятелей, словом, с той и другой стороны по много жителей с участием женщин.

Выкатившись в корридор, начались прения по существу, да такие, что унеси бог тепленьких. Мы позабыли, кто мы есть, люди-ли, скоты-ли, страшный визг пошел и кубарем, и вперсверт. Я, например, хвостал направо и налево собственными штанами, которые неизвестно как снялись, оставшись в одном белье.

Не знаю, чем бы это безобразие закончилось, но нас вдруг схватили, каждого по очереди, за шиворот и стали успокаивать. Глядим—это наша организованная молодежь.

— Стыдно, товарищи!—кричала молодежь.—Разве так чествуют героев труда?!—и так далее, в том-же виде.

Я натягиваю штаны, прислушиваюсь к лозунгам, а сам горько плачу, не в состоянии попасть в портошницу и от прилива чувств. Вот, думаю, ведь заступаются, заступаются за нас! Братцы, ну до чего хорошо, когда люди друг за друга горой стоят...

Придя в квартиру—гляжу—беременная супруга воет, парнишка воет, рама выбита, матрас выброшен на улицу. Так-же у прочих героев перебита посуда и все испакощено.

После этого мы в трезвом виде совещались, как быть. Признали, что причиной тому—вино. Молодежь погрозила прохватить нас в стенной газете, но раздумала, сказав:

— Вы все-таки сознательные герои труда. Мы вас уважаем. И пожалуйста не пейте больше.

С того моменту прошло три года, а у меня червяк в груди. Вот и сосет, и сосет...

А все-таки, как вспомню торжество, как за красным столом сидел—отойдет от сердца. Ну, что-ж! Был грех, за то была и человеческая радость.

Вяч. Шишков

УЕЗДНЫЙ ГОРОД

Он над речёнкою вразвалку лёг,
Косматой рощей заслонив кладбище,
Хибарки поспихав в поганый лог,
А в центр продвинув домики почище.
В нем Чичиков когда-то ночевал,
Казня клопов в трактире на диване,
И „клоп аршинник" „тыщи" наживал,
И Чехов реквием пел „Дяде Ване";
В чаях сверхмногочисленной родни
Погромный зуд крестил курносый прасол,
Но вот перинно-заспанные дни
Свинцовый кнут войны перепоясал.
На сборный пункт—мякинный лаптехлёб,
Дубовый лес оглобельных распятий.
Был сумрачен казарм кирпичный лоб,
А поп взывал „о свысшей благодати".
Напрасно главы рыжие церквей
Крестами щекотали пятки неба,—
Матюшка—пекарь,—даже не Матвей,—
Вдруг заорал: „долой войну! дай хлеба!"
Как ахнули, так двери по сей день
Аршинники починкой не осилят,
Но у лачуг помолодел плетень,
И старый быт—навеки и на вылет.
Еще хромает по базару он
На костылях палаток и лавчонок,
Но у Матюшки дело—не шаблон,
Он, словно вьюн, в торговле новой тонок.
У прасола седеет борода,
И бритый комиссар так злобу дразнит,
А дума бывшая—дворец труда—
Смеется пунцами в Советский праздник.
И если колокол еще горласт
На колокольне древнего собора,—
Бить комсомолец в барабан горазд,
И октябрят звонкоголоса свора.
А там, где каменным мостом шагнул
Тракт многоверстный в море чернозема,
Плывет к куделям медный ниток гул
И камень в гости ждет к себе солома.

Алексей Липецкий

ВЕСНА ИДЕТ!

(Первый весенний бюллетень «Смехача»)

Начиная с прошлого вторника, на Северо-Западе и в Центре Республики отмечено наступление так называемой Весны.

В тени судебных учреждений, на защищенных местах появились стаи молодых и старых растратчиков, усиленно вьющих пятилетние и семилетние гнезда под крышей Исправдомов.

Цветет Наркомюст. Распускаются фальшивые артели и товарищества.

В прейс-курантах трестов и иных торгорганов замечается легкое снижение, распространяющее свою свежесть по всей Республике.

В Финотделах, в часы приема, на солнце и в тени, закуковал подоходный Нэп, на 4 дня раньше нормы.

С наступлением теплой погоды, зацвели Добролет и Доброхим.

Разбухли штаты некоторых учреждений.

По примеру прошлых лет, аисты возвращаются в Родильные Дома.

Под влиянием солнечных лучей, шефы быстро развиваются и, после зимней спячки, пустили в деревню свежие ростки смычки.

Там и сям, по деревенским ложбинам и косогорам, в тени изб-читален пошел в рост избач, запестрели селькоры, загудела низовая кооперация, зазеленел новый быт.

Весна наступает единым фронтом.

А. Македонский

„ВОЛОКИТНОЕ"

— А мне-бы, товарищ, здесь справиться нельзя-ли?
— И не пробуйте, гражданин! Нам тут целым отделом не справиться, а вы один захотели!

„ШПАНСКАЯ" МУШКА

— А Сеньке-то на вечерухе глаз выбили.
— Ну? А Сенька что?
— Ничего, пошел к врачу стеклянный заказывать.
— Вот дурной! Ежели всамделишный выбили, то стеклянный ведь в два счета разобьют.

„ТОЛЧКИ ПО-МОСКОВСКИ"

Жители Рогожско - Симоновского района, неоднократно слышали странные подземного характера удары. Толчки имели исключительно узкоместный характер.
(*Из газет.*)

Рис. Б. Антоновского

— Что вы толкаетесь?!
— А почему вы думаете, что меня не толкает из-под земли?

НАПОЛЕОН

С пером, как с копьем, весь в цифрах, как в латах,
Я сражался на-славу с эпидемией растрат...
Ах, какой легкомысленный наивный парад!
Ах, что знал я тогда о *настоящих* растратах!
Но теперь я готов греметь, как Катон,
Со всем темпераментом разъяренной натуры...
Позвольте-ж рекомендовать настоящий фельетон
Особенному вниманию Красной Прокуратуры.

Артельщик Семенов—выглядит Наполеоном.
В его утонченно-финансовой голове,
Под высоким лбом, сединами убеленным,
Выросла идея. И даже—две.
Широта—повторяю—воистину Наполеонова.
А острота предвиденья! А внимание к мелочам!
И, полуоткрывши рот, гражданка Семенова
Внимает в трансе волшебным речам.

— Кассир Сиволапов проиграл 9 тысяч
И получил за это два года тюрьмы...
Я-б велел его, дурня, как мальчишку, высечь...
Разве-ж так делают философские умы!?
У меня казенных на руках 28...
Дадут мне за них—ну, положим—пять.
Только мы с тобой денег на ветер не бросим!
Мы с тобой дельце обделаем на „ять".
Ну, конечно, суд может дать конфискацию:
Надо будет заранее продать, что ценней..
Понимаешь, Маруся, тонкую комбинацию?
Разбираешься в ней?
Пять лет—ведь, не сто. Да амнистии разные.
Да примерное поведение. Да то, да сё...
Да и тюрьмы теперь не такие уж безобразные:
Книжки, клуб, физкультура—ну, словом, все!
Из тюрьмы—нет сомнения—я выйду до срока.
Из казенных не тронем до поры ни рубля.
Заведем с тобой дело. Заживем широко.
Шеншиля... Соболя...

Артельщик Семенов стоял перед прокурором
И бил себя в грудь, от муки стеня:
— Я седую голову запятнал позором!
Берите—вяжите—судите меня!
Проиграл на бегах! Прокутил на бабах!
Хотел устроить не жизнь, а фурор!
Таких, как я, порочных и слабых,
Надо расстреливать, гражданин прокурор!

Артельщику Семенову за чистосердечное раскаянье
Присудили пять—но сбавили на два...
(Сбылось-таки его вдохновенное чаянье!
Не ошиблась его Наполеонова голова!)
И попав в исправдом, занялся он люто
Физкультурой, учебой, театральным кружком...
Начальство довольно: не человек, а валюта!
Такого—бесспорно—исправит исправдом!
Под высоким лбом—глаза, как у пророка...
Благонравная речь на весь корпус слышна...
— Этого, конешно, свободят до срока!—
Говорит завистливо налетчик Мошна.

А денежки лежат себе в надежных лапах
И растут, пережидая положенные дни:
И не скажут никому ни цвет их, ни запах—
Откуда они.
О растратах написано 1000 фельетонов.
На растратах построено 5000 статей.
Но сколько здесь: просто—сукиных детей,
И сколько—Наполеонов?

А. д'Актиль

РАДИО

В деревне Малеево, Каширского уезда, установлена радиоприемная станция нашим шефом, радиолюбительским кружком Московской государственной консерватории, при активном содействии радиобюро МГСПО. Слышим отсюда Англию, Германию, Лондон... (Из письма учителя).

Рис. Ив. Малютина

— Это что-же, братцы, в трубе: гармошка, аль балалайка шпарит?
— Нешто поймешь, ежели она—по-немецки?!

ПЕРЕПОЛОХ

(Деревенские штришки)

Председатель сельсовета позвал секретаря и сунул ему только что полученную из губернии газету.

— Читал? — кратко спросил предсельсовета.

Секретарь стал читать. Оказалось, что в газете помещена корреспонденция...

Корреспонденция была, как корреспонденция. Селькор, скрывшийся под псевдонимом „Мишка Корявый", сообщал, что местный кулак—мерзавец и дружит с попом, а в избе-чительне всего три книжки, и крыша протекает.

Пока секретарь читал, предсельсовета ел его глазами.

— Не его-ли работа?—думал он, следя за каждым движением мускула на его лице.

Секретарь прочитал и многозначительно протянул:

— Да-с!.. И у нас, значит, завелось оно... Кто бы это мог быть?

— Притворяется! — подумал предсельсовета.

Он взял газету, но продолжал пронизывать секретаря глазами. Секретарю это показалось подозрительным, и он подумал: „Уж не ты-ли это, брат? Хочет на себя внимание обратить, знаем!.."

Они расстались, твердо решив про-себя последить друг за другом...

Через час вся деревня знала, что их „прописали". Ощущение у каждого было странное.

С одной стороны, были довольны. Кулака Спиридона Степанова и попа все ненавидели, собирались даже им бока помять...

Но, с другой стороны, забирала злость. Главной причиной было здесь незнание врага. А бог его знает, кто он? Может, тут стоит он рядом с тобой, хохочет, а на завтра возьмет и тюкнет в газету, что мол такой-то и такой-то жену выругал скверным словом или соседа по зубам съездил, будучи в самогонном бесчувствии.

Во что бы то ни стало, решили найти селькора.

Подумали, было, что „Мишка Корявый" это никто иной, как бывший красноармеец Алешка Скворцов. Он давно уже грозился:

— Вот погодите, пропишу вас за ваши безобразия. Запрыгаете.

Решили его позвать. Узнав в чем дело, Алешка Скворцов крякнул от удовольствия и с истинным сокрушением заявил:

— Эх, братцы, не догадался я это сделать! Жаль, очень жаль! Не догадался. Ну, да другой нашелся. Спасибо ему, товарищу.

Было видно, что он тут не причем.

Вдруг всех точно осенило. Как-то сразу, заговорило несколько голосов.

— Антошка Медведь! Антошка Медведь!

— Его работа!

— Тащи его сюда!

Антошка Медведь служил в батраках у Спиридона Степанова, которого „прописали". Служил он недавно. Неизвестно, откуда пришел, ни с кем не знался, почти не разговаривал и всегда был мрачен, неприветлив.

Фамилии его никто не знал, а звали Медведь за колоссальную нелепую фигуру, громадные ручищи и ножищи, похожие на медвежьи лапы, и за громадную физическую силу.

— Его работа!—кричали все:

— Подать его немедленно!

С большим трудом удалось уговорить Медведя придти к избе-читальне, возле которой собрались мужички.

Молча пришел он, стал перед лицом почтенного собрания и молча ждал, что будет.

— Ты?!

Медведю сунули в самый нос откуда-то раздобытую газету. Медведь с недоумением поднял голову.

— Ишь, как ловко прикидывается!— Послышался чей-то сердитый голос:—Знаем таких простачков.

— Сознайся, Медведь!

Медведь ничего не понимал. Кто-то предложил:

— Митька, дай-ка ему по затылку, может быть вспомнит. .

Митька, здоровенный мужик, бывший объездчик в „графском имении" до революции, вышел вперед, но „двинуть по затылку" не решился. Очень был громаден и силен Медведь. Послышался смех.

— Боишься? То-то! Не „графские" времена.

Митька покраснел и как-то, неожиданно для самого себя, прыгнул на Медведя и стукнул его по голове. Медведь взбеленился. Одной лапищей он поднял злосчастного сорокалетнего Митьку на воздух, но в эту минуту сзади на него налетели двое. К этим двоим прибавилось еще пятеро и, через несколько минут, Медведь лежал под целой кучей рассвирепевших людей, которые молотили его руками и ногами.

С большим трудом удалось прибежавшим на шум и крики деревенским властям вытащить из кучи окровавленного, истерзанного, почти полуживого Медведя.

На следующий день началось дознание, из которого выяснилось, что Медведь неграмотный.

Под протоколом расписался за него Митька, бывший объездчик в „графском имении".

Оль

ДОБРЫЕ ПОЛЯКИ

Польский министр Скшинский высказал удивление, почему евреям не нравится жизнь в Польше

... В Польше предположено ввести для евреев процентную норму в школах.

(Из двух соседних телеграмм)

Рис. Л. Г.

— Послушайте, пане! Разве мы притесняем евреев? Разве мы не обходимся с ними по-братски?! Любой ростовщик готов взять с бедного еврея шесть процентов, а мы ограничиваемся только трехпроцентной нормой...

ПИДЖАК

На шахте № 16 Чистяковского рудоуправления сократили рабочего,—Пискавец по фамилии.

Оригинального мало. Значит—собирайся, Пискавец, в отъезд; сматывай, Пискавец, имущество. Рояли там разные, мебель, сундуки с костюмами, трюмо в бархате,—не оставлять же свое кровное добро, ежели сократили на службе! Все забрать нужно, сложить аккуратно на ломовые подводы и айда!—на новое место.

Суматохи и беспокойства при переезде—хоть отбавляй.

Тут свою единственную голову можно потерять, тут не то что о какой-нибудь мелочи, а даже о крупном позабудешь.

Позабыл рабочий Пискавец о крупном в этой суматохе: позабыл, что остался должен конторе 6 руб. 28 копеек.

А контора не забыла. О выплате сверхурочных может выскочить, о спецодежде тоже возможно упустить, а насчет удержания—сто узелков для памяти завязано в конторе, в десяти видных местах записано: *„фамилия*: Пискавец — *причитается к удержанию:* 6 р. 28 к. (шесть рублей, 28 к.). Итого—6 р. 28 к. (шесть рублей, 28 коп.).“

И это, правильно. Так и быть должно, в интересах налаживающегося производства и тройной итальянской бухгалтерии.

Контора моментально снеслась бумажкой с Завгруппой, по фамилии Ничволод.

Ничволод, конечно, моментально заволновался и с тела спал. И это тоже правильно. Спросите, например, врача: всякое потрясение душевное или умственное пагубно действует на организм. Иногда даже какая-нибудь внутренняя кишка может лопнуть.

Заволновался Завгруппой.

Погода хорошая. День прибавился. С зимы на весну подает. Тут бы радоваться, тут бы стихи писать или в кинематограф итти, а во всем теле—с головы до ног — этакое неприятное состояние. Словно гвоздь вбит, а на гвозде бумажка:

„Сим контора уведомляет о необходимости срочного удержания с рабочего вверенной Вам группы, Пискавца, 6-ти рублей 28-ми коп., (шести рублей 28 к.), каковые препроводить“... и т. д.

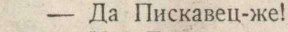
Не до стихов, не до кинематографа и весенней атмосферы.

Противно жить.

Вызвал Ничволод моментально надзирателя 2-го участка, Федосеева.

— Уехал?!— спрашивает не своим голосом

— Кто?

— Да Пискавец-же!

— Нет. Еще тут околачивается. Куда ему ехать-то?

Даже в жар бросило Завгруппой — от радости.

— Не успел прохвост! Молодец, что не успел. С него надо удержать шесть рублей и двадцать восемь копеек. Фу! хорошо, что околачивается!

— А у него и денег таких нету— спокойно заметил надзиратель:—Доподлинно знаю.

От этих слов почувствовал Завгруппой, что натянулась левая кишка и лопнуть собирается. Дышать невозможно стало.

— Как так нету? Имущество задержать! Вывозку мебели воспретить! Опечатать!

— Мебель?! Да он же меблированный угол снимает — у Дарьи Егоровне в чуланчике. Нету у него своего имущества. Голь!

Все больше и больше—подлая кишка лопнуть хочет: так и подкатывает к сердцу.

— Почему нет имущества?! Кто разрешил?!—шопотком спрашивал Ничволод, держась за кишку.—Что же у него есть?

— Верхняя одежа, конечно. А в рассуждении низового аппарата, — не могу знать.

Завгруппой напряженно думал.

— Пиджак есть? Штаны есть?

— Возможно. Доподлинно не могу знать.

— Пиджак должен быть — успокоенно заметил Завгруппой. — Штаны неудобно снимать — пускай в штанах ходит. А пиджак немедленно отобрать и внести на погашение в кассу.

Но этим не кончилась история. Ах, дорогой читатель, какие странные дела творятся на свете!

Кто может предполагать? Ну, получена бумажка насчет удержания; ну, сделано немедленное распоряжение,—с учетом реальной обстановки,—забрать пиджак.

А вот возьми ты его—попробуй!

Пошел надзиратель к Пискавцу.

— Скидавай пиджак!

— Это с вас, что-ли?

— С себя скидавай! Не я, а ты должон республике 6 р. 28 коп.!

— А мне и скидавать, окончательно, нечего: не богат пиджаками.

Тут уже и надзиратель, хоть и спокойный человек, из себя вышел.

Видит — действительно, нет у Пискавца пиджака. На-зло нет пиджака, чтобы Завгрупповой слабой кишке неприятность доставить, чтобы его со-свету сжить: под начальство подкоп.

Тут уже и надзиратель взбеленился.

— До какой ты—говорит — подлости додумался: пиджака не имеешь, чтобы долг погасить! Вылазь моментально из рубахи! Ну?! Вылазь на три рубля!

Вылез Пискавец из рубахи, на три рубля.

А надзиратель надзор продолжает.

— Это что? Матрац? Клади об это место.

Подсчитал в уме, пошевелил губами и решил, что мало.

— Прикинь еще наволочку, на полтинник.

Прикинул Пискавец наволочку. Собрал надзиратель имущество и понес.

Так и кончилась история:

„Когда оказалось, что у Пискавца никакого пиджака нет, надзиратель отобрал у него рубаху, матрац и наволочку“ („Всесоюзн. Кочегарка“ № 52)

Читатель интересуется выводом, который сделает автор этого веселого рассказа.

Исчерпывающий вывод сделан рабкором *Глазом,* закончившим свою заметку словами:

Такой способ покрытия долга не совсем уместен в пролетарской стране. Если рабочий должен конторе, надо заставить его отработать, но снимать с него последнее—не дело!

Автор косится на этот факт тем же глазом: покрывай долг, но не снимай с человека последней покрышки.

Не совсем это уместно.

Ив. Прутков

С разрешения ячейки при заводской школе (заводов Ленинск. слободы) комсомолец Монакин „для приработка“ звонит на церковной колокольне („Раб. Москва“)

— Эй, Митя! Отзвони да и сколокольни долой: на политграмоту пора!

ДРАМА С ДРАМОЙ

(Провинция)

Местный парикмахер Финоген Меренгин,
Как герой-любовник до корней волос,
Выбрал к постановке „Кровь, любовь и деньги“
Восемь жутких актов и апофеоз.
Роль жены банкира, злой аристократки,
Дал жене предвика (чтите власть вдвойне!)
У нее, к тому-же, белые перчатки
И (как от Пакэна!) чудо-матинэ.
Только начмилицьи, что быть должен мэром
(Голос, рост, осанка, хоть не гриммируй),
Роль прислал обратно с милиционером—
„Я есть пролетарий, мэр-же есть буржуй“.
Да еще аптекарь Лев Наумыч Спектор,
Роль банкира не-взял, строг, как монумент.
— Я-б сыграл отлично, но... коль фининспектор
Вдруг на банк заставит выправить патент?
Но Меренгин ловок, вежлив и находчив:
Роли разошлись все, больше нет препон,
И уже на читке, вплоть до поздней ночи,
Поправлял он жесты, мимику и тон.
Но... какой Спиноза зло нашел бы в этом?—
(Простоват Меренгин, бедный Финоген...)
Он послал супруге завполитпросветом
Маленькую рольку горничной Мадлэн.
И вверху афиши, в самом заголовке,
Там, где лира с маской дружески сплелась,
Появилась надпись *„Запр. для постановки,*
Завполитпросветом Алексей Карась“.

Конст. Шелонский

Успех русской горькой в Ленинграде был необычайный. За вторую половину декабря было выпито 30 тыс. ведер. *(Из газет.)*

Вин-ь-етка Л. Г.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ХИТРАЯ МЕХАНИКА

Новый быт порождает не только новый тип газетных объявлений, но и новый вид писем в редакцию.

Вот, хотя-бы такое письмецо, помещенное во владимирской газете „Призыв“:—

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Прошу поместить мое заявление о том, что я порвал связь с родителями - торговцами гор. Иваново-Вознесенска.

В. Гущин

(Слушатель влад. мех. техникума).

Прочтет Гущин-папаша у себя, за прилавком, газету и ахнет: был сын, да весь вышел.

В люди вышел.

Таковы раб-факты жизни!

ТВЧМ

Это не условное название какой-либо из железнодорожных должностей, отнюдь нет: ТВЧМ попросту Т, В, Ч и М—четыре скромные буквы российского алфавита, сыгравшие шутку с „Известиями ЦИК“.

Германский махровый меньшевик Бретшейд сказал в рейхстаге несколько „теплых“ слов по поводу СССР и вступления Германии в Лигу Наций.

Цитируем по Ленинградской „Кр. Газете“:—

Германское правительство, быть может, и не хочет обидеть Россию, но, однако, что полезнее: более или менее платоническая дружба советской власти или равноправное сотрудничество с другими европейскими государствами? *Мы отметаем первое.* Мы хотим положить конец дальнейшей медлительности“.

В этой телеграмме „Известия“ скромно меняют „Т“ на „Ч“, „М“ на „В“ и ставят знак двоеточия, после чего читаем:

Германское правительство, быть может, не хочет обидеть Россию. Что, однако, полезнее: более или менее платоническая дружба советской власти или равноправное сотрудничество с другими европейскими государствами? *Мы отвечаем:* первое. Мы хотим положить конец дальнейшей медлительности.

Таким образом, социал - демократ Бретшейд, помимо воли „Известий“, становится горячим другом СССР.!

Читатель изумлен, читатель потрясен, читатель восхищен, читатель разводит руками.

А всему виною—ТВЧМ!

С ТОГО СВЕТА

„Смехач“ получил любопытную корреспонденцию, которая может представить интерес для людей, занимающихся вопросами существования души и загробного мира.

Помещаем:

С глубоким прискорбием извещаю „Смехач“ о своей неожиданной смерти.

Я расстрелян „Красной Карелией“ по делу Малиновского—от 5/III—25 г. № 53, в доказательство чего прилагаю вырезку из этой газеты.

Растрел убийц селькора Малиновского

Приведен в исполнение приговор по делу убийц селькора Малиновского, по которому *главная обвиняемая* Попандопуло, Тулюра и *Степуленко* приговорены к расстрелу.

Петрозаводский участковый комитет союза железнодорожников Мурм. ж. д. в панике, т. к. я и дел не успел сдать.

После такой заметки, боюсь около милиции ходить: как бы не сгребли.

Расстрелянный Зав. Отэ Учкпрофсожа
2 Мурм. ж. д. *Степуленко.*

6/III—25 г.

И очень просто сгребут: нельзя допускать хождения по улицам граждан в мертвом виде.

Затребуйте от „Красной Карелии“ срочного воскрешения вас из мертвых.

ПУТИ К СЛАВЕ

Кто она? Поэтесса, артистка, научная работница, или жизнерадостная довольная своей судьбой поденщица шоколадной фабрики?

Почему она так весело улыбается со страницы американской газеты „Русский Голос“?

Ах, дорогой читатель,— все дело в зубах.

Красивые зубы. — Лорна Браун, учительница пения в колледже в Вейлслей, Масс. Она известна, главным образом, своими зубами. Они считаются совершенными и по этому случаю скромная учительница попала на фотографию.

Отсюда мораль: американская женщина, желающая достичь почета и славы, должна *показывать зубы.*

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

(Адрес для корреспонденции: Ленинград, пр. Володарского, 53а).

Подписчикам. Заявления о невысылке журнала просим направлять в главную контору: Москва, Солянка 12, Дворец Труда, „Гудок“.

Полоцк, В. Г-у.
„Не откажите *опечатать* прилагаемый материал...“
Ну, опечатали. А дальше что с ним делать?

Ростов-на-Дону, В. К-му.
Рассказ „Среди родителей“ поместили (в № 5-м). „Статполемика“ недостаточно остра.

Екатеринослав, Г. Н-ву. „В почтовом ящике вы написали, что я забыл вложить в конверт талантливое произведение... Гм! Может быть. Вероятно, по рассеянности. Шлю еще.“
Повидимому, проклятая рассеянность продолжает упорно преследовать вас: опять не то вложили.

Котельнич, К. Мирт-у. Заглавию вашего рассказа „Каприз судьбы“ предпослана лаконическая надпись:
„Гонорар со строчки“.
С которой?
Пересмотрели все строчки—подходящей нет.

Челябинск. Чернильному перу. Чернильное перо интересуется вопросом:
„Я Вам или Вы мне должны платить за помещение этих стихов?“
А стихи такие:

На манер индийский,
По Москве гуляют:
Женщины, мужчины
Одежд не надевают.

За помещение этих стихов—вы нам.
По два рубля за квадратный метр.

Минск, Спинозе. „Попрошу и мне уделить в почтовом ящике одну строчку“.
Извольте. Даже три:
„Национальный банк“
помещен
в этом номере.

Ив. Пр.

Издатель: „ГУДОК“ Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинград ский Гублит. № 8317. Типография „Инвалид Печатник“ Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж 60.000.

НУЖНАЯ БУМАГА

Председатель одного сельсовета не только не осведомлял крестьян о полученных им обязательных постановлениях, — но преспокойно утилизировал их „на цыгарки". (Из газет).

Рис. Б. Антоновского

— И где новый циркуляр?! Куда подевали?! Ищи, собачий сын! Самонужная гумага, и нету её!.. Размож-жу!!

— Что т-ты будешь делать?! Мать честная! Нету! Не поспел ощупать, и нету!

— Пущай ругают нашего брата за волокиту! Так нам и надо! Безобразие! Пущай в газете пропишут! Не под шкап-ли притулились?

— Производство тоже! Работа! Всякая рвань на месте, а что самое важное, самое тонкое—нету!

— Она?! Она и есть! Циркулярная!

— Ну, с-слава те, господи! Теперича курнем!